

Содержание

Глава 1	
Прибежище цмоков	5
Глава 2	
Черная королева	29
Глава 3	
Война драконов и волков	53
Глава 4	
Алая река	86
Глава 5	
Ночные гости	105
Глава 6	
Шторм.....	153
Глава 7	
Наследники ада	165
Глава 8	
Сны Мораны.....	188

Цвет ночи

Глава 9	
Бог конца света	203
Глава 10	
Проигранная битва	222
Глава 11	
Лестница в пекло	247
Глава 12	
Владыка преисподней.....	293
Глава 13	
Порубежный мир.....	342
Глава 14	
Цвет звезд.....	379
Глава 15	
Тьма и смерть	393
Глава 16	
Восход	426
Эпилог	
Последняя жизнь	448

ГЛАВА 1

Прибежище цмоков

Мы приземлились вблизи реки, у рва, отделяющего нас от покрытого снегом возвышения, напоминающего холм. Из-за него выглядывало очертание строения, на светлых стенах которого отражалось сияние полной холодной луны, а в окнах мерцали огни теплого света, наверное, то были факелы.

Сменив драконий лик на человеческий, Ян продолжал держать меня на руках и шел по направлению к холму, который наполовину закрывал собой здание, словно притворяясь одной из его прочных стен. Кажется, цмок был весь в собственных мыслях, отчего даже забыл поставить меня на землю. Обхватив его шею руками, я оглянулась, чтобы поискать во тьме Гая и Кинли. С облегчением обнаружила, что они двигаются по нашим следам.

Никто из нас не говорил друг другу ни слова. Не находил нужных. Я же молчала еще и потому, что не имела сил: ни моральных, ни физических. И не спрашивала, где мы очутились на сей раз, проявляя стойкое терпение.

Трепещущее пламя факелов постепенно открывало вид на каменный трехпролетный мост, пролегающий надо рвом, к которому мы приближались. У его окончания располагался вход, похожий на ворота средневекового замка. Затормозив у подножия переправы, Ян

Алла Грин

наконец, опомнившись, мягко приземлил меня на ноги. Мельком пробежавшись взглядом по моему лицу, он нахмурился и тотчас отвернулся в сторону — мгновением ранее аквамариновые радужки вспыхнули и быстро потухли, будто угасли от скорби, которая его остро терзала. Я знала: сейчас мое лицо, впрочем, как и весь облик напоминали ему о случившемся этим вечером. Сажа, пыль, раны на щеках и теле, где не видны под одеждой, но которые я ощущала жжением, ломотой и тупой болью, стали частью моего образа и неутешительным напоминанием нашего проигрыша, а еще — смерти. Неумолимой и трагической. Точнее того — что даже хуже.

Синий, летящий в небо пепел, предшествующий расщеплению бессмертной души...

Ян тоже выглядел нехорошо: белая рубашка, в которой он попал в навь после дня моего рождения, с расстегнутыми верхними пуговицами и закатанными рукавами, была разорвана в нескольких местах и перепачкана серой грязью. Взлохмаченные волосы, по обыкновению, аккуратно причесанные, выдавали его беспокойство, и он слегка пригладил пряди, прежде чем сделал шаг к подножию моста.

Когда мы очутились у ворот, глаза невольно приковались к небольшой табличке между кирпичами. Надпись гласила: *CONDITUM ANNO DOMINI 1583*. Сейчас я пребывала не в том состоянии, чтобы замечать детали, но эта отчего-то привлекла внимание. Мне показалось несколько странным увидеть в нави латынь, ведь более уместным был праславянский язык.

К своему удивлению, надпись я даже перевела — в школе из-за поступления на юридический пришлось посещать факультатив по латыни, и, вероятно, занятия не прошли

Цвет ночи

даром, поскольку значение фразы почти произвольно всплыло в мыслях.

«Возведено в тысяча пятьсот восемьдесят третьем году», — подумалось мне.

Поспешно оторвавшись от таблички, я ступила во тьму, скопившуюся в туннеле въездных ворот, в которых успел исчезнуть Ян. Меня поторапливали шаги Гая и шелест крыльев взмывшего в воздух Кинельгана.

Луна озаряла ледяным сиянием обширную площадку из брусчатки, слегка припорошенную снегом. Нас окружали стены, вернее, постройки, двухэтажные, трехэтажные и нечто вроде ратуши. Плотно прилегающие друг к другу здания, с арками и высокими окнами, с крышами, устланными коричнево-красной черепицей, образовывали замкнутое пространство внутреннего двора. Впереди, увенчивая центр сооружений, располагалось самое высокое — из пяти ярусов.

Я пару минут разглядывала старинные фонари, украшающие фасад, широкую террасу, заметила мерцание свечей в окнах и попыталась разобраться в очертаниях герба, расположенного у самой крыши, но скрытого ночной полутьмой. Изображение издалика напоминало дракона. Или же птицу... Ну а архитектурный ансамбль в целом смахивал на замок. Или на крепость. Очувшившись в этих стенах, я, еще не имея на то причин, почему-то ощутила себя защищенной. Каменная кладка, которая была повсюду, создавала впечатление островка безопасности, ограждающего от враждебной нави, кишашей смертью, неведомыми духами, жестокостью, злом.

Мы были словно надежно запряваны от места, где совсем недавно Ян и Роксолана сражались с волками в драконьем пламени.

От места, где Роксолана исчезла навсегда...

Алла Грин

И в следующее мгновение, замерев в центре открытого дворика, я внезапно услышала музыку — мягкие и чарующие переливы мелодии, задевающие нечто в душе, не просто израненной, а разорванной на куски. Однако нахлынувшие эмоции покоя вдруг прервал взвизг, донесшийся от одного из бесчисленных оконеч. В нем внезапно потух свет.

Распахнулись двери парадного входа — оттуда поползли тени. Быстрые и медленные, синие, черные, зеленые, с красными глазами и впалыми дырами вместо них — всевозможные существа нави. Зажмурившись, я вытянулась струной, стараясь не двигаться — как будто это поможет остаться незамеченной и они не тронут меня. Ведь для человека сражаться против них бессмысленно, а ринуться к Яну за помощью я не успею. Но, когда по внутреннему двору разнеслись крики, стало ясно, что сущности неслись не на нас, а мимо, в спешке покидая замок, как при пожаре, если бы огонь мог их убить. Точнее — расщепить.

Осознав это, чуть приподняв веки, я увидела, что Ян остановился и запустил руки в карманы брюк, скупающе наблюдая за происходящим, и с подчеркнутым недовольством от промедления ожидал, когда все закончится. Мне вспомнился момент, когда мы направились в таверну в деревне на рубеже — тогда навьи твари тоже пытались стремительно убежать, не помышляя причинить мне вред.

А еще Ян... мой Ян расщеплял их. В памяти снова всплыл синий, летящий в небо пепел...

Кажется, одно присутствие цмока ввергло жителей замка в панику.

Цмоки мало кому нравились. Но не слишком ясно, беспокоит ли их присутствие Гая в той же мере. Скорее всего, нет. Ведь рыжеволосый молодой мужчина, сын Велеса, бог чего-то — я до сих пор не знала чего, — чья сила могла быть скромной и внушительной,

Цвет ночи

разрушительной и созидающей, — более мягок, чем Ян. А еще терпим. И дружелюбен. В общем, Гай не являлся цмоком, которые, согласно легендам, крайне спесивы. Драконы считали себя особенными, иными, даже в чем-то лучше остальных. Соответственно к ним и относились — избегали и боялись.

Даже Кинли, который всегда сторонился Яна, был расположен к Гаю. Но лично меня Ян не пугал. Пока что — нет. Почти.

Вот только пепел, летящий в небо, не давал покоя. Пока что я умело отмахивалась от него.

— Дорогой, Ян! — раздался женский, звонкий, как колокол, голос. Он доносился из распахнутой двери, пролетая по опустевшему крыльцу, где скопился полумрак.

В следующую секунду из замка вышагнула незнакомка.

Это была молодая женщина, скорее, девушка — с рыжими волосами, собранными в замысловатую высокую прическу, из которой выбивались отдельные пряди, мелкими частыми кудрями ниспадая на лоб и щеки. Она была одета в яркое помпезное платье с юбкой из пурпурного атласа и корсетом, отделанным того же цвета бисером — с декольте и расшитыми золотыми нитями рукавами, расклепанными у локтей, оканчивающимися оборками и кружевами.

«Если замок был возведен в тысяча пятьсот каком-то там году, — подумала я, — то девушка была его королевой из того же столетия, сейчас словно вырванной из времени».

— Ты не мог прийти попозже? — громко и с возмущением воскликнула она. — Ты разогнал все веселье! Распугал моих драгоценных гостей.

Ян фыркнул, ответив ей нарочито оскорбленным тоном:

— Попозже? Меня не было несколько веков. — Его губы растянулись в неожиданной игровой усмешке.

Я пристально смотрела на него. Мне открылась удивительная перемена в Яне, будто несколько долгих мгновений назад абсолютно ничего не произошло: Роксолана не канула в вечное забвение от рук жестокой богини луны, а сам он не сражался в опасной схватке.

Ян выглядел непринужденным и слабо улыбался одними уголками рта, но вполне искренне. И только речи цмока были наполнены язвительностью.

— Ну, здравствуй, брат, — сладко протянула девушка.

«Брат?» — изумилась я. И прокрутила фразу Яна в голове. «*Меня не было несколько веков*». Что ж... Похоже, ровно столько времени он не посещал навь. А я по-прежнему не знала причин.

Значит, это его сестра. Судя по медному цвету волос, какой имел и Гай — у нее с Яном тоже общая мать, но разные отцы. И ее отец — Велес.

Теперь, видя в незнакомке сестру Яна, о существовании которой совершенно не догадывалась ранее, я еще пристальнее принялась наблюдать за ней и с неприкрытым интересом следила за каждым движением и изменением мимики, за каждым взмахом черных, необычайно длинных и пушистых ресниц.

— Моя сестра придерживается свободных нравов, — сказал Ян, обращаясь ко мне, но продолжая глядеть на нее. — Общается со всеми навьими тварями без разбора.

— Ты против? — спросила она с такой интонацией, что я поняла: ей будет приятен утвердительный ответ.

— Помнится, я никогда не ограничивал тебя в общении с кем бы то ни было, — ровно произнес Ян. — Проводи время, с кем пожелаешь. Но лично меня они не привлекают, и здесь я предпочитаю их не лицезреть.

— И я, — взмахнув ресницами, проговорила она. — Просто они любят веселиться, так же сильно, как и я. Не то что все вы, бросившие меня совсем одну.

Цвет ночи

Она явно укоряла Яна за долгое отсутствие. С показным видом девушка поджала губы и состроила печальные глаза, артистично обыгрывая масштаб нанесенной ей обиды.

Я поймала себя на мысли, что она в некоторой степени очаровательна. Сестра Яна — мне было неизвестно ее имя — вела себя как ребенок: капризный, милый, красивый и требовательный.

Однако меня не покидало ощущение, что сколько в ней имелось очарования — столько же в ней было и опасности. Неясной, едва уловимой — пугающее ощущение рождалось на уровне подсознания и инстинктов. Ее пышные, чересчур длинные ресницы словно были отвлекающим маневром — они прикрывали глаза: выразительные и блестящие... но ее взгляд источал жесткость и необъяснимую хищность.

Мы по-прежнему стояли возле крыльца, не двигаясь с места. Сестра Яна не приглашала нас в замок, а Ян не спешил туда войти. Необычное, ненавязчивое выяснение отношений после длительной разлуки продолжалось прямо на свежем воздухе. На холоде, который я уже явственно ощущала, хотя мое ноющее уставшее тело уже привыкло к нему, а может, мне и вовсе стало все безразлично, несмотря на то, что я боролась с болью и ломотой.

Окинув коротким взглядом замок, вздохнув чуть громче, чем следовало, Ян повернулся к сестре.

— Валентина, едва ли решаюсь спросить: а где все?

«Валентина. Вот как ее зовут. И кого он имел в виду под этим “все”?»

Валентина с деланой невинностью пожалала плечами:

— Улетели — кто куда. Им пришлось не по нраву мои гуляния.

— Ты это специально сделала? — укоризненно уточнил Ян. В его тоне были слышны зачатки нарастающего негодования.

Алла Грин

— Выгнала твоих друзей из нашего дома, чтобы разгневаться тебя, когда ты вернешься? Возможно.

— Наших друзей, — с трудом сохраняя самообладание, поправил Ян.

Очевидно, она нарочно его злила, а Ян — шел на поводу. Что-то мне это напоминало. Мое общение с ним — дома мы частенько вступали с ним в подобные перепалки.

Валентина продолжала, будто не слушала его реплик:

— Я не могла даже рассчитывать на твою столь щедрую благосклонность, братик — одарить меня своим возмущением. И не могла поверить в то, что ты когда-нибудь вообще нас навестишь.

«Друзья... Что еще за друзья?»

Ян посерьезнел.

— Давно ли ты, сестрица, слышала, как воют волки?

Его вопрос заставил ее легкость и беззаботность вмиг улетучиться.

Красивое лицо нахмурилось и ожесточилось.

— Недавно слышала.

Ее очи загорелись лиловым магическим огнем, подобно тому, как ранее ультрамариновым зажглись глаза Яна. И взор Валентины сейчас запыхлал ненавистью.

— Поганые волколаки, — внезапно выругалась она.

Я подметила чрезмерную жесткость ее суждения. Такая злость по отношению к ним свойственна немногим. Вряд ли у Гая она была столь же яркой. Эмоции Валентины к волколакам казались личными. Как у любого цмока, согласно преданиям.

Всматриваясь в фиолетовые мерцающие крапинки ее радужек, я приходила к выводу, что ошиблась. Вероятно, Валентина и Ян находились в более близком родстве, чем мне подумалось ранее, а рыжий цвет ее прядей, совпадающий с оттенком волос Гая, — просто-напросто совпадение.